

Сирень 'Федерико Гарсия Лорка'

*Когда умру,
похороните меня с гитарой
в речном песке.*

*Когда умру...
В апельсиновой роще старой,
в любом цветке.*

Федерико Гарсия Лорка

превосходные переводы народных песен и произведений Федерико Гарсия Лорки, великого испанского поэта, одного из самых ярких и значительных в испанской культуре XX века.

И в этой беседе родилась идея посвятить новый сорт «самому любимому поэту Испании». О необыкновенной притягательности Лорки говорили все, кто его знал. Друг юности, испанский режиссёр Л. Бюнуэль писал: «Я не знаю человека, который обладал бы такой же магической и лёгкой властью. Стоило Федерико

В тот год среди тысячи цветущих сеянцев сирени был отобран один единственный, особенный, самобытный.

И каким-то чудесным образом явление нового сорта совпало с другим знаменательным событием—знакомством с Натальей Родионовной Малиновской,

дочерью маршала, известным испанистом и переводчиком (филологом-испанистом).

Заговорили о языке, о поэзии, и оказалось, что Наталья Родионовна и её супруг Анатолий Михайлович Гелескул не только знатоки и ценители испанской литературы—их перу принадлежат

войти, сесть за рояль, заиграть колыбельную или Шопена, стоило ему начать рассказывать какую-нибудь историю или представлять её в лицах, как вы покорялись—с первого слова, с одной улыбки. А если он начинал читать стихи, более уже ничего не существовало—только этот глуховатый голос, переливающийся светом и тьмой... Он был явлением природы, произведением искусства. В нём была радость, страсть и юность. Он был как пламя...»

«Он приходил, зачаровывал, и наступало счастье... Я не встречал больше ни в ком такого сочетания блестательного остроумия и таланта, крылатого сердца и блеска под стать хрустальному водопаду. Он впитывал и дарил людям радость мира, он был планетою счастья. Простодушный и артистичный, одинаково не чуждый и космическому, и провинциальному, необыкновенно музыкальный,... робкий и суеверный, лающимся и весёлый, он словно вобрал в себя все возрасты Испании, весь цвет народного таланта, всё то, что дала арабо-андалузская культура: он освещал и обдавал

благоуханием, словно цветущий жасминовый куст, всю панораму той Испании, какой—Боже мой!—теперь уже нет... Все на свете дарования, все таланты были у него, а он, как золотых дел мастер, как трудовая пчела на пасеке великой поэзии отдавал людям свой

островов) и глубокий социальный и моральный кризис.

Конец четырёхсотлетней империи, в которой «никогда не заходило солнце», осознание того, что Испания превратилась во второразрядную полуевропейскую страну, стало мощным стимулом

‘Федерико Гарсиа Лорка’—сиянец от свободного опыления ‘Олимпиады Колесникова’ (Авторы: С.А. Аладин, О.Н. Аладина, Т.В. Полякова).
Сорт включён в Государственный реестр селекционных достижений РФ и в International Register of Cultivar Names in the Genus Syringa L. (Oleaceae)—Междуннародный регистр имён культиваров Рода Сирень.

гений...» (Пабло Неруда).

Лорка принадлежит к литературному поколению 1898-го года (*Generación del 98*)—поколению катастрофы. Эта блестательная плеяда испанских писателей, публицистов, мыслителей (Асорин, П. Бароха, Р.М. дель Валье-Инклан, М. де Унамуно, Х.Р. Хименес, А. Мачадо и др.) остро и мучительно, с «любовью и ненавистью к отчизне», переживала национальную трагедию своей страны—крах империи, поражение в испано-американской войне, потерю колоний (Кубы, Пуэрто-Рико, Филиппинских

островов) и глубокий социальный и моральный кризис.

Конец четырёхсотлетней империи, в которой «никогда не заходило солнце», осознание того, что Испания превратилась во второразрядную полуевропейскую страну, стало мощным стимулом для развития национального самосознания и расцвета испанской литературы и искусства, переживших свой второй золотой век, подобный серебряному веку в русской культуре. Все они безошибочно чувствовали свою судьбу: смерть или изгнание. И это предвидение пронизывает испанскую поэзию XX века напряжённостью, неизбежностью жертвы и трагических потерь.

{1} Альгамбра

«Федерико любили больше всех», — продолжает П. Неруда, — «а его чудесное умение радоваться делало его похожим на ребёнка». В трудную минуту жизни он писал другу Хорхе Саламеа: «Будь радостен! Это нужно и должно — быть

«Поэзия — это эхо вечных голосов — голоса смерти, голоса любви и голоса искусства... Иногда неведомая сила заставляет меня писать. И тогда я пишу как в лихорадке, месяцами, а после возвращаюсь к жизни».

Всю жизнь Лорка писал об Испании и отразил лучшее, что есть в национальном характере: цельность, искренность, бескорыстие, нежность и щедрость, отвагу и благородство. Из народной поэзии он заимствовал «глубинную сущность», «только самые колоритные трели».

У каждой страны на протяжении веков складывается свой неповторимый художественный образ, свои краски, за которыми стоит

дух народа, его темперамент, главные ценности, традиции, своя эстетика. Цвет связан с природой и стихиями, он отражает такие вечные категории, как любовь, счастье,

смерть; он таит в себе возможность чувственного, образного познания жизни и сути вещей.

В пограничной культуре Испании, «от колоколов Саламанки, омытых университетской культурой Возрождения, до колоколов Севильи, осеребрённых средневековым Востоком», в противоречивом, изменчивом, ярком мире

сосредоточена полнота бытия во всех проявлениях. В нём рядом праздник и трагедия, меланхolia и радость, комичное и серьёзное, жизнь и смерть, коррида и фланенко, траур и «золото позументов», скорбные процесии и почти языческие карнавалы, расцвет и упадок, инквизиция и яркие народные праздники. По словам Лорки Испания — страна, «распахнутая для смерти», где «веками поют и пляшут».

Испания произвела сильное впечатление на русских художников (И. Репина, В. Сурикова, Б. Кустодиева, А. Головина, К. Коровина, А. Бенуа, М. Волошина), которые точно уловили дух этой страны, её колорит, свет, воздух. «Я открыл свой ящик с красками, в нём были жгучие краски. Испания...» (К. Коровин).

Испания — это красное и золотое. Не случайно пурпурный и золотой — цвета испанского флага. Пурпурный — экспрессия и страсть, нескончаемый праздник, любовь и ненависть, порыв, подвиг, кровь. «Жизнь воспринимается страстно, напряжённо, восторженно» (Хосе Ортега-и-Гасет). Золотой — это символ победы и славы, палящее солнце, жёлтый песок арены, «жёлтая выжженная скудная земля под раскалённым маревом».

Испанию в экспрессивном, упрощённом, резком контрасте чёрного и белого открыли для себя П. Кончаловский и Н. Гончарова. «Испан-

Поэзия Лорки — это источник горячей энергии, поток которой преобразует вокруг себя пространство, меняет жизнь.

цам нравятся яркие краски, а чёрный — самый яркий из всех цветов..., но чёрное только ещё больше подчёркивает алое и золотое» (Г. Честертон).

В разные исторические эпохи цвет страны разный. В средние века — чёрный и лиловый, в XIII—XIX веке — золотой. В этот период Испания — романтическая

радостным... И это я говорю тебе в одну из самых горестных и тяжких для меня минут. Измученный душевной борьбой и доведённый до предела любовью, грязью, мерзостями, — я остаюсь верен моему правилу — радость вопреки всему». «У меня было долгое детство. От затянувшегося детства мне и осталась эта радость, неиссякаемая радость бытия» (перевод Н.Р. Малиновской).

«Зачем ты пишешь?» — «Чтобы меня любили». «Я войду прямо в сердце и согрею ладони. Сердца, жаркого сердца...» «Самая печальная радость — быть поэтом, остальное не в счёт — даже смерть (...) миссия у поэта одна: одушевлять, ...дарить душу».

легенда, страна Дон Кихота и Кармен. «Недвижим тёплый воздух, ночь лимоном и лавром пахнет» (А. Пушкин), звон гитарных струн и стук кастаньет, высокие гребни и розы в волосах, оранжевый, красный шёлк и чёрные плащи, кружев-

точной... Той, что поит и поёт в долине, той, что страдает и стонет, полная крошечных светлых скрипок. Это песня всей Гранады разом, слитный голос рек и струн, толпы и листвы, фруктового моря и качельного смеха». «Я люблю

{2} Контраст бутонов и лепестков остаётся ярким почти до конца цветения
{3} Х. Соролья. Гранада {4} Дом-музей Федерико Гарсия Лорки в Андалусии, в посёлке Фуэнте-Вакерос (Пастущий ключ) недалеко от Гранады

ные косынки и цветные корсажи, светящиеся в синей ночи балконы и окна: «Я здесь, Инезилья!». Весь XIX и начало XX века — это красный период «общирнейшей империи», «повышенного артериального давления нации, надевающей доспехи национализма» (Х. Ортега-и-Гассет). При диктатуре Франко угасают любимые цвета Лорки — зелёный и золотой, и им на смену приходят коричневый и чёрный.

Андалусию, любимую Гранаду, где он родился, провёл юность и куда вернулся умирать, Лорка считал «историей, поэзией и чистой красотой Испании». Гранада, сказочная столица мавров, волшебная Альгамбра, воплощение рая на земле, — это золотистое, розовое, кирпичное под зелёной сенью садов. «Горная гряда, то скальная, то снежная, то прозрачно-зелёная высится над песнями — и, бессиль-

ные взлететь, они падают на черепичные кровли, сгорают в лучах или задыхаются в сухих колосьях июля. Приближаешься, и первое, что улавливаешь, — это запах донника и мяты, запах трав, истоптанных копытами мулов, коней и волов, разбредшихся по всей гранадской долине. Второе — это звук воды, ... ритмичной воды, мерной,

человеческий голос, одинокий человеческий голос, измученный любовью».

Лорка писал музыку, но истинным композитором был в поэзии. Достигший немалых успехов в графике, истинным художником он был именно в поэзии. Лорка непостижимым образом сплавил в строчках звуки, цвета, запахи. В них жизнь не только расцвела, она пропитана «винным янтарным

мира. Это — тайна, это «союз двух слов, о которых никто не подозревал, что они могут соединиться и что, соединившись, они будут выражать новую тайну всякий раз, когда их произнесут»: «...погнут горячие вены серебряною струною, а кожа в ночи мерцает, как яблоки под луной»; «танцует ночное море поэму балконов лунных, сменила тростник на шёпот луна в золотых лагунах»; «пуховый снег над жар-

Из выжженной, скудной земли, палящего солнца, из легенд, мифов, народного духа, народных песен, аромата полыни и речной воды, апельсинов и мёда он извлекал прозрачную, хрустальную красоту.

запахом», «имбирным ароматом», «настоем черешен». У поэта зриное (цвет и свет) становится осозаемым, а чувственное ощущение тепла и ветра — зримым. Его язык с точностью передаёт жест, движение, мелодию. Его поэзия — это синтез искусств (музыка, танец, кино, живопись), смешение чувств, уничтожение границ, творение

ками крылами, вскипая, словно пена по озёрам, жемчужно стынет инистым узором в саду, где наши губы отсыпали», «где звёздами цветёт земля сырья между твоей любовью и моею, там первоцветы плачутся кипрею и круглый год горят, не отгорая».

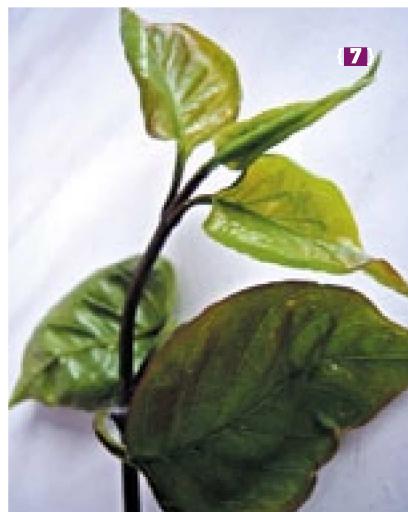
«Когда умираем», — писал Лорка, — «уносим с собою не просто

небесную просинь, а розовое, голубое, цветное. Рассветное небо и небо ночное».

Новый сорт вобрал в себя краски Испании, горячего «иберийского лета», «расцвеченного багрянцем и шелестящего сухим золотом», лета, дышащего «апельсиновой винной прохладой», «це-

строках Лорки, которые первыми пришли на память: «Безмолвие мирта и мела, и мальвы в травах ковровых, левкои она вышивает на жёлтой ткани покрова», «уходит закат в потёмки, в курящийся росный ладан, рассыпав янтарные чётки, уходит никем не разгадан», и в новом сорте сирени.

и оттенки. В нём тёплые тона юга: дымчатые розовые и лиловые («сиреневый вечер» «лиловую мглою омытый»), палевые и цвета слоновой кости («её жасминная кожа светилась жемчугом тёплым, нежнее лунного света, когда скользит он по стеклам...» В нём прохладные голубоватые,

{ 5 } Сирень 'Федерико Гарсиа Лорка' { 6 } Венчики слегка раздвинуты { 7 } Молодые побеги и листья—с антоциановым загаром { 8 } Анна Разумовская. Танцовщица

точным настоем». «...Случается час, когда солнце, как чаша расплавленного золота, разбивается, коснувшись горных вершин, и нежный свет, голубоватый, фиолетовый, алый, разливается по отрогам гор и по долине, мягко обрисовывая все очертания». Это описание природы Кастилии испанского философа и писателя Хосе Ортега-и-Гассета находит отражение в поэтических

Сорт сирени 'Федерико Гарсиа Лорка' очень необычный. В нём, как и в стихах поэта, соединилось, казалось бы, несочетаемое. Терракотовые, чуть позже пурпурные бутоны, раскрываясь, становятся медными. В причудливых, крупных, махровых цветках с заострёнными, асимметричными лепестками переходят один в другой, переливаются разные цвета

лавандовые тени и фиолетовые блики («У луны над Парижем цвет фиалок и грусти...») и, что очень редко встречается у сирени,— жёлтое солнце в сердце каждого цветка («персик зарёй подсвечен, и сквозь леденцы стрекоз входит солнце в янтарный вечер, словно косточка в абрикос»). У Лорки и любовь «апельсинного цвета», и «за плечами, взлетая, плещет душа золотая».

У сорта свой независимый характер. Цветки с «кошачьим глазом, жёлтым и печальным», раскрываются медленно и неодновременно, поэтому контраст бутонов и лепестков, столь привлекательный в сирени, остаётся ярким практически до конца цветения. В разных условиях выращивания лепестки меняют интенсивность окраски: при хорошем освещении, под жарким солнцем цвета усиливаются, проявляются, как в переводных картинках.

Окраска лепестков изменяется от периферии к центру и выгорает в самом конце цветения до кремовой. Сорт хорош и при распускании цветков, и при их отцевтании. При выгонке яркие краски несколько тускнеют и доминирующими оттенками становятся жёлтый и прозрачный коричневый, но глаз отвести невозможно — «узор луны и шафрана». Так идея и её воплощение удивительным образом совпали, в новой сирени отразились смуглая, солнечная Испания и всё многоцветье раннего Лорки — импрессиониста и романтика.

Крупные соцветия на прочных цветоносах состоят из одной пары плотных пирамидальных метёлок. Цветение открытое и продолжительное, с первой декады мая до конца месяца. Аромат сильный.

Куст высокий, компактный, ветви прямые, с тёмными почками, молодые побеги и листья — с антоциановым загаром. Сорт устойчив к болезням и вредителям, низким температурам и засухе, бутоны и цветки не страдают от возврата холода. Он легко размножается прививкой, хорошо — комбинированными черенками (зелёные черенки с частью прошлогодней древесины). В стерильную культуру вводится неохотно, при размножении *in vitro* в первых пяти семи пассажах побеги развиваются очень медленно, и коэффициент размножения невысокий.

В августе 1936 года, в предгорьях Сьерра-Невады, в восьми километрах от Гранады, в масличной роще поэт был расстрелян.

Селение Виснар, опоясанное братскими могилами, — лишь наиболее вероятное место его погребения. Вместе с ним покоятся три тысячи ни в чём не повинных людей. Убийство поэта совпало с началом гражданской войны в Испании, прологом Второй мировой. «Я испанец до мозга костей, но... я брат всем людям и... на этой земле я всегда буду с теми, у кого ничего нет, с теми, кто лишен всего... Гранада научила меня быть с теми, кого преследуют.»

Он был рождён дарить красоту, творить радостно и легко, «жить в подлинном смысле слова — полной, доброй, весёлой, молодой жизнью». «Я никогда не состарюсь», — говорил он, и это сбылось: ему было всего 38. Путь к читателям был трудным и долгим: из тринадцати книг стихов пять были утеряны безвозвратно, а первое открытое чествование Лорки состоялось только в 1976 году.

Он говорил: «Сам я, когда пробьёт мой час, хотел бы одного — оставаться. Пусть тело моё похоронят в саду, и раз уж мне не суждено небо, стану, по крайней мере, землей».

*Или цветущей сиренью:
Цветком любви
моя рука согрета,
Чтоб это имя ожило в чернилах.
И прячутся в золе стихов унылых
Игра лучей, земля живого лета.*

*И Аполлон засыпал русло где-то,
Тде кровь моя,
как камьши застыла.
А ты разводишь охру и белила,
В которых — обещание букета....*

«Пусть отзовутся ваши сердца, и это станет ещё одним звеном родства в той чудесной цепи духовного единения, которое кует искусство».

Остаётся добавить, что в 2011 году (год России в Испании) Татьяна Полякова, участвуя в патриотической акции «Сирень

памяти», передала сорт ‘Федерико Гарсиа Лорка’ в дар музею поэта в семейной усадьбе **Уэрта-де-Сан-Висенте** (Huerta de San Vicente) в Гранаде. Правда, подарила пока только постер с изображением нового «испанского» сорта. Но директор дома-музея Мануэль Хименес заверил, что место для будущих растений уже готово.

О.Н. Аладина, доктор биол. наук, профессор, РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева
Фото автора